

Дж. А. БАРБОРКА

МАХАТМЫ И ИХ УЧЕНИЕ

**РИПОЛ
КЛАССИК**

**МОСКВА
2005**

к которой принадлежал и его собственный Гуру. Махараджа Сахив не только верил в существование Гималайских Махатм, но, похоже, об этом ему позволял судить его собственный опыт. Он выразил свое полное одобрение работой полковника Олкотта по возрождению санскрита, он сам много работал в этом направлении в собственном штате. Полковник Олкотт и его товарищи оставались в Джамму неделю. В последний день им вручили кхилат...»¹

Свидетельства д-ра Франца Хартманна

Совершенно особое свидетельство представлено д-ром Францем Хартманном (1838—1912), который стал теософом в 1882 году, когда временно находился в Америке. Получив приглашение полковника Олкотта посетить Адьяр, д-р Хартманн в октябре 1883 года отправился из Калифорнии в Гонконг на пароходе. После непродолжительного посещения Китая и Японии он прибыл в Адьяр 4 декабря 1883 года, где его радушно встретили г-жа Блаватская и полковник Олкотт. В своем свидетельстве, которое он подготовил и опубликовал в «The Theosophist»², д-р Хартманн рассказывает, как он проверял функционирование «Ковчег» и убедился в существовании Махатм. Признания скептика, убедившегося в том, что его скептицизм был ошибочным, стоят большего, чем слова горячо верующего, это в полной мере относится к свидетельству доктора. Д-р Хартманн озаглавил свой рассказ

«Мои опыты»

«Кто-то из древних сказал:

“Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего пред свиньями, чтоб они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас”.

¹ *Journal of the Theosophical Society*. Vol. I, № 1, January, 1884, p. 5; цитируется в *Damodar*, p. 368.

² Supplement to *The Theosophist*. March 1884. Vol. V, № 5, pp. 52—53.

Так что с очень большими колебаниями и неохотой я решаюсь записать нижеследующий рассказ о своем опыте. Если бы моей статье предстояло быть напечатанной в газетах для массового читателя, то, конечно, она никогда бы не была написана, так как дело не только в том, что мне было бы неприятно бросать свое имя на растерзание разного рода хищникам, — в первую очередь мне было бы больно видеть, как склоняют имена наших уважаемых Учителей светские денди и несветские болваны.

В массовой газете у меня было бы три категории читателей:

Представители первой категории прочли бы статью так, как если бы это были сведения о рыночных ценах на картофель, и отложили бы газету, не собираясь более размышлять о предмете, и эту категорию я рассматриваю как очень любезную.

Вторая категория сделала бы вывод, что я — “парень с цирковой арены”, что я проделал весь свой путь из Америки, чтобы забавляться сочинением историй о привидениях, не имея никакой иной цели, кроме как одурачивание их. Эту категорию я считаю очень глупой, и мне их жаль.

Третью категорию составляют мужчины и женщины, обладающие интеллектом, которые не склонны ни принимать, ни отвергать чего бы то ни было без достаточных к тому оснований. Они, возможно, слышали о подобных вещах ранее, однако у них могут еще оставаться некоторые сомнения, от которых они хотели бы избавиться. Эту категорию я считаю своими друзьями, и только для их пользы, с тем чтобы попытаться помочь им пройти по утомительной дороге сквозь мглу сомнений и неверия, я согласился, чтобы это было напечатано в журнале нашего общества, публикуемом специально для членов нашего сообщества.

Двадцать первого сентября 1883 года я покинул свой дом в Колорадо в Соединенных Штатах, с тем чтобы отправиться в Индию, отчасти с целью представлять теософские общества Америки на нашем восьмом юбилее, отчасти, будучи очень скептическим по натуре, стремясь получить более полные сведения об оккультизме и рассеять свои сомнения. А как бы я мог сделать это лучшим образом, не отправившись в Центр?

Мне было бы проще и дешевле отправиться через Нью-Йорк и Марсель, чем через Калифорнию, Японию и Китай, но у меня было одно дело в Сан-Франциско, которое слишком приватного и деликатного свойства, чтобы о нем можно было упомянуть даже в этом журнале. Так что я отправился в Сан-Франциско. Но увы! Слабость человеческой природы, даже начинающего оккультиста! Очарование пары красивых черных глаз для предполагаемого аскета оказалось почти столь же сильным, как и первоначальная цель. Искушение Святого Антония было ничто по сравнению с моим, и мое путешествие к земле обетованной чуть не оказалось прервано иллюзией и западней. Однако мне все же удалось вырваться, и я покинул Сан-Франциско и отправился в Китай.

Через неделю или две после моего прибытия в Адьяр, видя, что некоторые, как члены нашего общества, так и посторонние, время от времени получали от Учителей письма, которые либо сваливались с неба, либо проникали сквозь стены, либо посылались через Ковчег, я подумал, что, может быть, и мне так же повезет. Хотя я и считал себя грешником, я не считал, что я настолько уж хуже и, следовательно, недостойнее большинства тех, кто получал письма. Ободренный этой мыслью, я решил посмотреть, придет ли от Учителей ответ на мое письмо.

И я написал следующие строчки:

“Досточтимый Учитель! Нижеподписавшийся предлагает Вам свои услуги. Он желает, чтобы Вы любезно оценили его умственные способности и, если это будет позволительно, дали ему свои наставления.

С уважением Ваш и т. д.”

Я переписываю это письмо дословно, с тем чтобы уважаемый читатель не счел, что я настолько глуп, чтобы беспокоить Гималайских Адептов своими мелкими частными делами, которые, представляя интерес для меня, абсолютно не интересны им. Кроме того, я имею обыкновение держать свои дела в определенном секрете, и ни в Индии, ни где либо еще, кроме Сан-Франциско, не было ни одного человека, который бы знал что-нибудь об этих делах. Я отдал свое письмо полковнику Олкотту, и он положил его в Ковчег.

Пару дней спустя я стал обмысливать все это дело и решил, что если бы Учителя нашли необходимым поведать мне что-то, то они бы, без сомнения, сделали это и без моих вопросов, так что я попросил полковника Олкотта вернуть мне мое письмо. Он так бы и сделал, но мое письмо загадочным образом исчезло, несмотря на все запоры и ключи, и больше уже его никогда никто не видел. Но вместо своего письма я получил другое, написанное хорошо знакомым почерком нашего уважаемого Учителя. Содержание его демонстрировало не только доскональное знание им меня и некоторых событий из моей прошлой жизни, но там также говорилось: «Вы совершили в высшей степени неблагоразумный поступок, будучи в Сан-Франциско» — и потом там в деталях говорилось о том очень деликатном и приватном деле, о котором я упоминал выше. Детали этого дела я сообщу нашим уважаемым теософам, если он или она меня о том попросит и, конечно, пообещает никогда их не раскрывать».

Д-р Франц Хартманн получает письма Махатмы

Тут мы прервем рассказ доктора, с тем чтобы привести отрывок из письма (о котором доктор упоминает), полученном им от Махатмы Мории. Он не включил нижеследующую часть текста в свое повествование, хотя несколькими годами позже он привел её в изданной им брошюре¹.

«Приветствую Вас! Если бы нам пришлось задействовать для своих задач человека, не обладающего особым умом, то мы бы должны были показать ему, как выражаетесь вы на Западе, главу и стих, т. е. дать ему специальные указания и конкретные задания; но человек с таким умом, как Ваш, к тому же имеющий такой большой опыт, сам сможет найти дорогу, если ему дадут подсказку в отношении направления, ведущего к цели. Составьте для себя ясную картину своей собственной человеческой сущности, определите, в каком отношении Ваша

¹ *Lotusblatthen (Цветочки Лотоса)*, LXV, p. 142—143. Переведено и процитировано в ВСW, VIII, p. 445.

собственная жизнь находится к совокупности Ваших предыдущих существований и осознайте, что ее будущее целиком находится в Вашей собственной власти,— и тогда у Вас более не останется сомнений относительно того, что следует делать... Оставайтесь в Азии. Принимайте участие в работе Теософского общества. Объявите открыто, без обиняков, о тех принципах Вашего кредо, которые громче всех заявляют о себе в Вашем сердце. Помогайте другим, так чтобы и Вам могла приходиться помощь. Живите, ориентируясь на высший идеал человечества. Размышляйте и работайте. В этом залог благополучия Вашего и окружающих...

М.»

Продолжим далее цитировать рассказ д-ра Хартманна. Он рассказывает, что произошло с ним после получения этого письма. Он также рассказывает, что заставило его убедиться в подлинном существовании Махатм.

«Сейчас подобные “результаты теста” оказались бы для меня полностью удовлетворительными, но тогда, имея за плечами двадцатилетний опыт занятий спиритизмом, я не мог полностью избавиться от своих сомнений. Мог ли полковник Олкотт написать это письмо? Что он знал о моих личных делах? Как мог кто-нибудь знать что-то об этом, если из Сан-Франциско не доставлялось никакой почты, после того как я прибыл на последнем на тот момент пароходе, да и кто в Америке взял бы себе за труд написать или телеграфировать что-либо и, вообще, кто бы мог это сделать, когда в Сан-Франциско я был почти таким же чужестранцем, как и в Адыре?»

И все же, не мог ли полковник Олкотт или кто-то еще стать ясновидящим и прочитать мои мысли, а потом каким-то усилием мысли или как-то еще, с помощью какого-нибудь духа или чего-то еще написать все это? И кто знает, может быть, я все же был обманут?

Эти мысли, несмотря на все доводы рассудка, оставались в моем сознании до тех пор, пока мне не выпала удача увидеть самого Учителя в его астральном теле, и тогда, конечно, все они навсегда исчезли.

Но меня ждало что-то еще более чудесное; и хотя это событие меня совсем не удивило после всего того, что я видел и слышал, оно должно показаться интересным для тех, у кого нет подобного личного опыта.

В то утро, в половине двенадцатого, я поднялся в комнату госпожи Блаватской и имел с ней беседу относительно дел общества. После этой беседы мне в голову пришла мысль спросить её мнение в отношении одного вопроса, который был предметом моих размышлений. Госпожа Блаватская посоветовала мне самому обратиться к Учителю, задать ему вопрос ментально, и Учитель обязательно должен был сам ответить на мой вопрос. Через несколько минут она сказала, что она почувствовала его присутствие и увидела, как он что-то пишет. Я должен сказать, что я тоже почувствовал его присутствие и казалось, видел его лицо, но, конечно, подобное утверждение может являться убедительным лишь для меня самого.

Как раз в тот момент, к моей огромной досаде, вошла другая леди и попросила пинцет, который для каких-то целей был ей нужен, и, помня, что у меня был пинцет в ящике письменного стола, я спустился в свою комнату, чтобы достать его. Я открыл ящик, увидел там пинцет и еще несколько предметов, но там не было и следов какого бы то ни было письма, поскольку днем раньше я переложил свои бумаги оттуда в другое место. Я взял пинцет и собирался закрыть ящик, когда там вдруг появился огромный конверт, на котором стоял мой адрес, выписанный хорошо знакомым почерком Учителя; конверт был скреплен печатью, на которой тибетскими буквами были обозначены его инициалы. Открыв его, я обнаружил большое, очень доброе и даже где-то комплиментарное письмо, в котором рассматривались те же вопросы, о которых я беседовал с госпожой Блаватской, там также давался детальный и совершенно удовлетворительный ответ на каждый из вопросов, которые так изводили мой ум, а также объяснение некоторых вещей, которые с некоторого времени стали главенствующими в моем сознании, но о которых я вообще ничего не говорил.

Кроме того, в том же конверте была кабинетного размера фотография лица Учителя с посвящением мне на обратной стороне. С того момента эта фотография будет считаться самым большим сокровищем в моей коллекции.

Сейчас я могу сказать, что если я что-то вообще знаю, то это то, что в моем ящике не было подобного письма, когда я открывал его, и что на тот момент в комнате никого, по крайней мере видимого, не находилось. Письмо, дававшее детальный ответ на мой вопрос, должно было быть написано, запечатано и положено в ящик менее чем за четыре минуты, при том что мне понадобилось ровно сорок минут на следующий день, чтобы переписать его, и, наконец, очень сложная проблема была в нем рассмотрена настолько тщательно и вместе с тем кратко, что можно заключить, что лишь ум высшего порядка мог осуществить что-то подобное.

Дальнейшие комментарии представляются мне ненужными.

Sapienti sat¹.

Адьяр, Мадрас, Индия, 5 февраля 1884 года».

Это не единственные письма, которые получил д-р Хартманн. Всего он получил десять, три из которых были от Махатмы К. Х. В другом своем свидетельстве д-р Хартманн описывает, как он получил еще три письма от Махатмы, все пришли феноменальным образом:

«Чтобы ответить на постоянные инсинуации лондонского света и других наших друзей-спиритов, которые при всех свидетельствах, указывающих на обратное, настаивают на том, что так называемые оккультные феномены производятся “духами” при “медиумическом посредничестве” госпожи Блаватской, я заявляю, что эти феномены не исчезли и после отъезда госпожи Блаватской в Европу.

Она отправилась из Бомбея 20 февраля 1884 года, и с того времени я лично получил три хорошо известных оккультных письма, написанных знакомым почерком Учителей, а одно из них (от К. Х.) было вложено в конверт с тибетскими буквами. Одно из этих писем было передано 22 марта через одного занимающего высокое положение челу, явившегося

¹ Латинское выражение обычно пишется следующим образом: *Verbum sat sapienti*, что означает: «Для мудрого человека достаточно слова».

в астральном образе, другое оказалось написанным на чистом листе бумаги, лежащем на столе, 1 апреля, а третье, содержащее очень важную информацию об одном предмете, полностью подтвердившуюся шесть недель спустя, было передано мне через Дамодара К. Маваланкара 28 апреля. Происходило и множество других феноменов, при том что ни один из нас до сих пор не проявил никаких медиумических способностей в общепринятом значении этого слова»¹.

Р. Кешава Пиллаи получает письма Махатмы

Следующим свидетельством является памятная записка, написанная Р. Кешавой Пиллаи, индусом, который был инспектором полиции в городе Неллоре в 1882 году. В мае этого года полковник Олкотт и г-жа Блаватская отправились в Неллоре, город, расположенный на берегу Бенгальского залива, примерно в ста милях к северу от Мадраса, но в Мадрасском округе. Там 8 мая они учредили местное отделение Теософского общества. Кешава Пиллаи стал его секретарем.

В свидетельстве говорится о письме, которое Кешава Пиллаи получил феноменальным образом, когда ехал в поезде. Хотя сообщение может показаться читателю и не очень важным по той причине, что оно было написано как ответ на *мысли путешественника* (так указал Пиллаи), последнее обстоятельство сделало его особенно важным и замечательным для его получателя. Так или иначе, Пиллаи написал следующее:

«В 1882 году, когда я ехал в поезде, между станциями Аллахабад и Могул Сарай в купе, в котором я находился, упало письмо. Я был в купе один, а поезд шел на полном ходу. У меня было желание, чтобы Махатма К. Х. дал мне указания относительно одного дела, о котором я тогда думал, и когда я открыл письмо, то нашел, что на мои мысли был дан ответ, я обнаружил, что письмо было написано почерком Махатмы К. Х.,

¹ Supplement to *The Theosophist*. July, 1884. Vol. V, № 7, pp. 99—100.